

A movie poster featuring Sofia Skofigd in the foreground, looking over her shoulder with a serious expression. She is wearing a rust-colored coat over a white shirt. In the background, a man in a dark coat is seen from the side, looking out a large window. To the right, another man in a dark suit stands looking towards the left. The setting appears to be a modern, dimly lit interior with large windows.

Сона Скофилд

Между
мужем
и его другом

18+

Сона Скофилд

Между мужем и его другом

<https://litres.ru/74318878>

SelfPub; 2026

Аннотация

На торжественном ужине Дарья Крылова должна представить программу независимого культурного центра, которым руководит. Но ее муж Глеб объявляет со сцены, что покупатель для компании найден, его должность в Москве согласована, а они с женой переезжают. Дарья узнает о собственной новой жизни одновременно с гостями.

Она снимает квартиру, подает на развод и защищает центр, чью готовность муж включил в условия продажи компании. Рядом продолжает работать Тимур Вяземский — главный архитектор проекта и лучший друг Глеба. Он не решает за Дарью и не требует благодарности, но именно он знал о переговорах и промолчал.

Глеб хочет сохранить брак, Тимур отказывается быть тайной, а Дарья не намерена переходить из одного мужского плана в другой. До открытия остается пятнадцать недель. За это время ей придется сохранить проект, пережить публичную проверку и понять, может ли новая любовь начаться с честности, способной разрушить двадцатилетнюю дружбу.

Содержание

Глава 1. Решение за двоих	4
Глава 2. Домой без меня	15
Глава 3. Временный адрес	26
Глава 4. Три подписи	38
Глава 5. Человек, который знал	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сона Скофилд

Между мужем и его другом

Глава 1. Решение за двоих

За сорок минут до начала ужина Глеб прислал новую версию порядка выступлений. В моем файле после приветствия Татьяны Аркадьевны стояли отчет фонда и презентация программы Ракурса. В его версии между ними появился пункт: «Будущее проекта. Г. А. Крылов». Семь минут, без пояснений.

Я перечитала строку и открыла переписку. Утром мы согласовали окончательный порядок. Глеб подтвердил его коротким «Да», Тимур поставил реакцию под схемой рассадки, представитель фонда попросил не выходить за час. Нового блока там не было.

— Нина, кто внес изменение? — спросила я.

Руководитель коммуникаций оторвалась от списка гостей. Она уже надела черное платье, но поверх него оставила серый кардиган: в банкетном зале было прохладно, а до приезда фотографа оставалось время.

— Помощница Глеба. Сказала, срочное согласование собственника.

— С тобой согласовала?

— Поставила перед фактом. Я решила, что ты знаешь.

— Теперь знаешь, что нет. Семь минут оставляем. Если уйдет за лимит, показываешь мне карточку.

Нина хотела спросить еще что-то, но я уже набирала мужа. Он ответил после второго гудка.

— Даш, я через пять минут буду в зале.

— Что в твоём выступлении?

— Хорошие новости. Не хочу рассказывать по телефону.

— Ты добавил блок в программу мероприятия, которое готовит моя команда. Мне нужно понимать содержание.

Он помолчал ровно столько, чтобы выбрать спокойную интонацию.

— Новость касается Северного контура и центра. Для фонда она важна.

— Какая новость?

— Я приеду и объясню.

— До выхода гостей в зал.

— Конечно.

Он отключился. Я отметила в распечатке новое время и попросила техника вывести на запасной ноутбук презентацию без слайда «Вопросы». Если семь минут Глеба превратятся в двадцать, вопросы придется переносить на личное общение. Я отвечала за программу и не могла позволить семейному раздражению сорвать подтверждение транша на оборудование.

В Ракурс я пришла два года назад, когда бывший кино-

театр еще назывался Зарей, пах старым утеплителем и выдавал четыре разных показателя площади в четырех документах. К марту на стенах малых залов уже стояла чистовая отделка, в мастерских заканчивали вентиляцию, а команда продавала первые абонементы на летние занятия. Последний транш фонда закрывал свет, мебель и оборудование для людей с нарушениями слуха. Без него открытие двадцать девятого июня оставалось красивой датой в календаре.

Глеб вошел в зал за две минуты до гостей. Темно-синий костюм, белая рубашка без галстука, телефон у уха. Он увидел меня, закончил разговор и поцеловал в щеку.

— Ты хотела знать заранее. Мы получили принципиальное согласие Гранит Групп на покупку компании.

— На каких условиях?

— Все расскажу дома. Сегодня важна общая новость: у проекта будет сильный федеральный партнер.

— Ты продаешь долю?

— Мы продаем компанию, если закроем условия до конца июня.

Он говорил «мы», но Тимура рядом не было. Я посмотрела на вход. Тимур стоял у гардероба с Татьяной Аркадьевой, слушал ее и держал в руке тубус с чертежами. Вряд ли он принес их на ужин ради декора.

— Какая часть касается меня? — спросила я.

— Даша, сейчас придут люди. Не будем устраивать совещание у сцены.

— Я пытаюсь его предотвратить.

Глеб улыбнулся так, как улыбался перед сложными переговорами: без насмешки, но с уверенностью, что остальные скоро примут его темп.

— Ничего плохого я не скажу. Поверь мне семь минут.

Двенадцать лет назад эта просьба показалась бы мне почти нежной. Тогда он представлял молодую инвестиционную компанию на городском фестивале, а я координировала три площадки и за час до открытия искала замену сорванной доставке ограждений. Глеб нашел машину, оплатил срочный рейс и только после этого позвал меня пить кофе. Он умел делать так, чтобы трудная задача становилась решаемой. Я долго считала это лучшим качеством мужчины.

— Семь минут, — ответила я. — Никаких обещаний от имени Ракурса и от моего имени.

— Принято.

Он легко коснулся моей спины и пошел встречать гостей. Я осталась возле сцены с неприятным ощущением, что согласовала рамку, не зная содержания.

Ужин начался вовремя. Татьяна Аркадьевна рассказала, зачем району нужен независимый культурный центр, представитель Новой среды подтвердил финансирование после выполнения согласованных этапов. Я показала программу первых трех месяцев: театральные лаборатории, мастерские для подростков, лекции, два фестивальных уикенда. Когда на экране появилось число проданных абонементов, в зале

заплодировали без подсказки.

Я вернулась за свой стол и впервые за вечер позволила себе выпить воды. Справа сидел Глеб, слева оставили место для представителя фонда. Тимур оказался напротив. Он выслушал мою презентацию, сделал одну пометку на сложенной программе и теперь смотрел на сцену, куда ведущая пригласила моего мужа.

Глеб начал с истории здания. Он хорошо знал аудиторию и не перегружал речь цифрами. Поблагодарил фонд, команду, городских партнеров. Назвал меня человеком, который превратил смелую концепцию в работающую организацию. Я знала, что похвала искренняя. От этого последующие слова не стали легче.

— Сегодня я могу сообщить еще об одном важном решении, — сказал он. — Северный контур готовится войти в состав Гранит Групп. Сделка даст Ракурсу доступ к федеральным партнерам, а нашей команде — возможность работать в новых городах. После открытия центра мы с Дарьей переедем в Москву. Я возглавлю направление реконструкции общественных пространств, а она, уверен, найдет там масштаб, соответствующий ее опыту.

Кто-то у дальнего стола первым поднял бокал. Следом захлопали еще несколько человек. Нина стояла возле аппаратной с карточкой «Одна минута», но время перестало быть нашей главной проблемой.

Я посмотрела на Тимура. Он не хлопал. Его взгляд быст-

ро переместился с Глеба на меня, затем на программу перед ним. Мужчины знали друг друга двадцать лет; по лицу Тимура было видно, что объявление о продаже не стало для него новостью. Зато моей реакции он явно не ожидал.

Глеб продолжил говорить о возможностях. Я слышала знакомые выражения из его презентаций: новый уровень, объединение ресурсов, сильная команда. Каждое слово было уместным. Только моей жизни внутри этих формулировок уже распорядились.

Когда он вернулся за стол, представитель фонда поздравил нас обоих.

— Москва вам подойдет, Дарья Сергеевна. Там такие специалисты нужны.

— Возможно, — сказала я. — Но решение о моем переезде пока не принято.

Глеб повернул голову.

— Мы обсудим детали дома.

Я поставила стакан на скатерть, чтобы не держать его в руке.

— Когда ты принял решение?

За столом стало тише. Не во всем зале, только рядом с нами. Представитель фонда отвел взгляд к сцене. Тимур не вмешался.

— Даша, сейчас неподходящий момент.

— Поэтому я спрашиваю только дату.

Глеб выдержал паузу.

— Предварительно — на прошлой неделе. Сегодня получили финальный проект.

— Спасибо.

Я повернулась к ведущей, которая объявляла музыкальную часть. Больше вопросов при гостях не задавала. Глеб не продолжил разговор и не пытался взять меня за руку для общего снимка. Мы отработали вечер рядом: поговорили с донорами, показали макет центра, договорились о технической встрече. На фотографии команды он стоял справа от меня, Тимур слева, но между нами хватало места, чтобы никто не касался другого.

После ухода гостей я помогла Нине собрать карточки раскладки и передала технику флешку с презентацией. Глеб ждал у гардероба.

— Поедем вместе?

— Да. Мне нужны документы сегодня.

В машине он не включил музыку. Дорога заняла двадцать восемь минут. Я ответила на два сообщения сотрудников, поставила встречу с фондом на вторник и написала Татьяне Аркадьевне, что утром пришлю пояснение по статусу оператора. Ничего личного в письме не было.

— Ты могла поддержать меня одной фразой, — сказал Глеб, когда мы остановились у дома.

— Какой именно?

— Что детали обсуждаются. Не обязательно было говорить, что решение не принято.

— Оно не принято.

— После десяти лет брака я имею право предположить, что жена захочет поехать со мной.

— Предположить — да. Объявить — нет.

Он вышел первым. Я задержалась, чтобы отправить последнее письмо, хотя могла сделать это дома. Мне требовалась минута без его уверенности рядом.

В квартире Глеб снял пиджак, прошел в кабинет и вернулся с тонкой папкой. На стол легли проект договора купли-продажи, соглашение о его будущей должности и распечатка с логотипом московского фонда. Я села напротив и начала читать.

Соглашение о должности было подписано Глебом три дня назад. Выход на работу — первого августа. Сделка зависела от закрытия условий, среди которых значилась готовность главного зала Ракурса. В распечатке для меня не было ни договора, ни фамилии ответственного. Только описание возможной позиции консультанта в культурном портфеле Гранит Групп.

— Они готовы создать под тебя направление, — пояснил Глеб. — Зарплата выше нынешней почти вдвое. Свободы больше. Ты сможешь выбирать проекты.

— Кто с ними об этом говорил?

— Я обозначил твой опыт. Без обязательств.

— Назвал мой доход?

— Диапазон. Это нормальная практика.

Я подняла глаза от страницы.

— Ты сообщил посторонним людям мой доход, обсудил для меня работу, подписал собственное соглашение и объявил наш переезд. На каком этапе ты собирался спросить, нужна ли мне Москва?

— Сегодня вечером. После новости. Я хотел показать тебе готовый вариант, а не фантазию.

— Ты уже показал его двумстам людям.

— Не преувеличивай. Там было меньше ста.

Я посмотрела на него. Глеб закрыл глаза и коротко выдохнул.

— Извини. Это прозвучало глупо.

— Зато точно показывает, что тебя беспокоит.

— Меня беспокоит, что ты сразу превращаешь сильное предложение в унижение. Я не продал квартиру и не купил тебе билет. Мы можем обсудить условия.

— Условия моего согласия на уже объявленное решение?

— Нашего переезда.

— Моего переезда пока нет.

Он сел рядом, оставив между нами папку.

— Даш, компания восемь лет жила от проекта к проекту. Сейчас нам предлагают деньги, команду и федеральный уровень. Я не мог отказаться только потому, что ты любишь этот город.

— Я не просила тебя отказываться. Я хотела участвовать в решении, которое касается моего дома и моей работы.

— Я знал, что тебе будет трудно уйти из Ракурса. Поэтому нашел вариант продолжения.

— Ты нашел мне замену моей жизни.

— Я нашел возможность.

Мы замолчали. За окном на парковку въехала машина, свет фар прошел по потолку и исчез. В квартире было тепло, на кухне оставались продукты, которые мы выбирали вместе в воскресенье, а в прихожей висело мое пальто рядом с его курткой. Ничто вокруг не выглядело разрушенным. Поэтому особенно трудно было признать, что разговор касался не одной ошибки на сцене.

— Я хочу увидеть полный пакет переговоров, — сказала я. — Все, что влияет на Ракурс: сроки, условия готовности, обязательства собственника, переписку по моему возможному трудоустройству.

— Корпоративные документы я не могу передать тебе целиком.

— Тогда подготовь то, что вправе показать исполнительному директору арендатора. Остальное посмотрит наш юрист через официальный запрос.

— Наш юрист? Ты уже говоришь так, будто мы по разные стороны.

— Сегодня ты сам поставил нас по разные стороны сцены. Глеб провел ладонью по лицу и встал.

— Хорошо. Утром соберу пакет. Но давай не будем принимать решения на злости.

— Я сегодня ничего не решила. В отличие от тебя.

Он открыл рот, но ничего не сказал. Я забрала из ванной косметичку и зарядку, разложила диван в комнате, которую мы обычно использовали как кабинет, а приезжавшим родственникам отдавали как гостевую. Дверь закрывать не стала.

Глеб остановился в коридоре.

— Ты серьезно будешь спать здесь?

— Сегодня да.

— Из-за одного объявления?

— Из-за решения, которое ты принял за меня. Объявление просто не позволило его не заметить.

Он постоял еще несколько секунд и ушел в спальню. Я открыла рабочий календарь, убрала из утра встречу с поставщиком и поставила вместо нее просмотр документов. В примечании написала: «Отделить сделку собственника от обязательств оператора».

Потом сняла кольцо, чтобы умыться, и вернула его на палец. Я пока не знала, что будет с браком. Но одну вещь могла сказать без оговорок.

Подпись Глеба не была моим согласием.

Глава 2. Домой без меня

Утром папка лежала на кухонном столе рядом с двумя чашками кофе. Глеб уже был одет для офиса и отвечал на сообщения, пока я просматривала оглавление. Он собрал выдержки из проекта сделки, календарь проверок, письмо покупателя и отдельную справку о московской должности. Корпоративные суммы закрыл черными прямоугольниками, но даты оставил.

— Этого достаточно, чтобы понять влияние на Ракурс, — сказал он. — Если твоему юристу понадобится больше, оформим доступ под обязательство о неразглашении.

— У Ракурса есть свой юрист. Не мой.

— Я понял.

Он поставил телефон экраном вниз. Кофе для меня был с молоком и без сахара, как всегда. Даже сейчас Глеб помнил мелочи, которые не требовали согласования.

Я дошла до таблицы условий. Полная готовность здания подтверждалась итоговыми испытаниями не позднее двадцать второго июня. Открытие стояло на двадцать девятое. На исправления после тестов оставалась неделя, которой хватало только при мелких замечаниях.

— Почему я вижу этот срок впервые?

— Потому что это условие продажи компании, а не договора аренды.

— Оно меняет приоритеты на объекте. Ваши подрядчики будут гнать работы к дате покупателя, даже если для нашего открытия допустим другой порядок.

— Мы и без покупателя собирались закончить к июню.

— Собирались. Но теперь у тебя появился личный финансовый интерес назвать зал готовым раньше, чем моя команда начнет эксплуатацию.

Глеб отодвинул свою чашку.

— Ты правда считаешь, что я заставлю подписать опасный объект?

— Я считаю, что независимая проверка нужна именно тогда, когда все уверены в своей порядочности.

— У нас есть строительный контроль, авторский надзор Тимура, подрядчики с допусками. Что еще ты хочешь создать за три месяца?

— Понятную карту решений. Кто подтверждает техническую готовность, кто принимает готовые помещения от собственника для работы АНО, кто отвечает за программу. Без устных договоренностей между тобой, мной и твоим лучшим другом.

— Тимур здесь при чем?

— Его доля тоже продается?

— Да.

— Он согласен?

— В принципе. По оценке есть вопросы.

Я перелистнула страницу. В письме Гранит Групп упоми-

налась встреча с партнерами второго марта. Значит, Тимур знал как минимум двенадцать дней. Вчера он смотрел на меня так, будто только на сцене понял, что муж не посвятил меня в планы.

— Когда ты впервые рассказал ему о Москве?

— На переговорах. Не втягивай Тимура в нашу ссору.

— Я уточняю, кто располагает информацией, влияющей на мой проект.

— Тогда задавай вопросы по проекту.

— Я их и задаю.

Глеб встал, взял кофейник и долил себе, хотя чашка была почти полной. Он редко делал лишние движения. За годы брака я научилась замечать их раньше, чем изменение голоса.

— Даша, давай определимся. Ты обсуждаешь безопасность объекта или наказываешь меня за вчерашнее?

— Если бы я хотела тебя наказать, я устроила бы это при фонде. Я защищаю организацию от сделки, условий которой не знала.

— Организацию или свою должность?

Вопрос прозвучал спокойно. Я закрыла папку.

— И то и другое. Мне не стыдно хотеть сохранить работу, которую я умею делать.

— В Москве ты сможешь делать больше.

— Как называется должность?

— Ее сформируют под тебя.

— Кто будет моим руководителем?

— Это обсуждается.

— Какой бюджет?

— После сделки станет ясно.

— Команда?

— Даша, это предложение на ранней стадии.

— Значит, ты заменил конкретную должность, договор и проект обещанием, которое никто не обязан выполнять.

— Я обеспечу выполнение.

— Ты не можешь обеспечить чужую подпись.

Он усмехнулся без удовольствия.

— Теперь все мои слова будут проходить перекрестный допрос?

— Только те, которыми ты распоряжаешься моей жизнью.

Я сфотографировала перечень документов и отправила Нине сообщение, что буду в офисе к десяти. На сбор вещей отвела двадцать минут. В чемодан легли одежда на неделю, ноутбук, лекарства, спортивная сумка и папка с личными документами. Свидетельство о браке я нашла в нижнем ящике комода рядом с договором по уже погашенной ипотеке.

Глеб появился в дверях спальни, когда я застегивала чемодан.

— Куда ты собираешься?

— Сегодня переночую у Марины. Потом сниму квартиру.

— Давай без демонстраций.

— Я не собираю вещи перед окнами журналистов. Мне

нужен отдельный адрес, пока мы разбираемся.

— В квартире три комнаты. Можем не мешать друг другу.

— Здесь все устроено под нашу общую жизнь. Ты будешь считать, что я осталась. Я начну решать, что приготовить на двоих и когда ждать тебя вечером. Через неделю мы вернемся к привычному порядку, не договорившись ни о чем.

— Аренда квартиры поможет договориться?

— Поможет мне не соглашаться по инерции.

Он взялся за ручку чемодана. Я не отдернула руку, но и не отпустила.

— Я отвезу тебя.

— У меня машина.

— Ты не обязана доказывать самостоятельность на каждом шаге.

— Тогда не отнимай у меня шаги, которые я выбрала сама.

Глеб отпустил ручку. Его лицо оставалось собранным, только складка между бровями стала заметнее.

— Ты вернешься сегодня вечером? Поговорить.

— Нет. Пришли мне полный ответ по условиям сделки и копию письма о возможной должности. Я отвечу, когда прочитаю.

— Я спрашиваю про дом.

— Сегодня ты поедешь домой без меня.

Он отвернулся к окну. Я взяла чемодан, сумку и вышла. В лифте обнаружила, что забыла зарядку от часов, но возвращаться не стала. Эту мелочь можно было купить.

До Ракурса я доехала за тридцать пять минут. На объекте работали отделочники, в малом зале проверяли крепления для световых ферм. Павел встретил меня у служебного входа в каске и сразу передал журнал замечаний. Он не спросил про ужин, хотя наверняка видел публикации.

— По главному залу подрядчик хочет сдвинуть акустические замеры на начало апреля, — сказал он. — Материал идет позже.

— Насколько позже?

— По письму два дня. По разговору с логистом может быть пять.

— Пусть подтвердят письменно реальную дату. И подготовь зависимые работы: что можно продолжить, что придется остановить.

— Уже делаю.

В нашем офисе Нина разложила на столе распечатки утренних публикаций. Заголовки были предсказуемыми: крупная сделка, московское назначение, новая жизнь известной деловой пары. На одной фотографии Глеб говорил со сцены, а я сидела в первом ряду. По снимку нельзя было понять, знала ли жена о собственном переезде.

— Два издания просят совместный комментарий, — сказала Нина. — Еще три перепечатали релиз Северного контура. Там написано, что операционная модель Ракурса сохранится.

— У нас есть такое подтверждение?

— Только устное от помощницы Глеба.

— Значит, убираем фразу из нашего ответа. Пишем: АНО продолжает подготовку к открытию, договор аренды действует, программа не меняется. Частные планы руководителей не комментируем.

Нина подвинула ко мне лист.

— А твой переезд?

— Не подтвержден.

— Можно так и написать?

— Нужно.

Она сделала пометку и посмотрела на меня поверх очков.

— Ты сегодня здесь до вечера?

— До шести. Потом у меня семейные дела.

— Поняла.

Нина не предложила чай и не сказала, что все будет хорошо. За это я была ей благодарна.

В одиннадцать началось совещание в Северном контуре. Обычно мы проводили его в Ракурсе, но Глеб настоял на присутствии финансовой службы. Я пришла с Павлом и юристом АНО. За длинным столом сидели руководитель стройки, финансист, Тимур и два сотрудника покупателя на видеосвязи.

Глеб открыл встречу так, будто утром мы не делили дом.

— Коллеги, задача прежняя: двадцать девятого июня центр принимает посетителей. Дополнительное условие покупателя не меняет стандарт качества.

— Меняет дату полной готовности главного зала, — сказала я. — В нашем календаре резерв был до двадцать седьмого. Теперь испытания должны завершиться двадцать второго.

Финансист перелистнул таблицу.

— При текущей поставке укладываемся.

— При подтвержденной или обещанной?

— Поставщик дал письмо.

Павел передал распечатку.

— В письме нет номера партии и перевозчика. Мы запросили дополнение.

Тимур до этого молчал. Он изучил документ и повернулся к руководителю стройки.

— Без номера партии график не подтверждаем. И вынесите отдельно работы, которые зависят от предварительных замеров.

— Мы можем потерять три дня на бумагах, — возразил тот.

— Или неделю на демонтаже, если материал придет с другими характеристиками.

Глеб не спорил с ним. Он посмотрел на меня.

— Что ты предлагаешь по полномочиям?

Я вывела на экран схему, которую набросала утром. Операционные решения оставались за АНО, технические заключения — за профильными специалистами, изменения, затрагивающие сроки сделки и программу открытия, должны бы-

ли фиксироваться совместным протоколом.

— И еще, — добавила я. — Северный контур официально уведомляет наблюдательный совет о сделке и обо всех условиях, связанных с готовностью здания. До этого момента АНО не подтверждает заявления о сохранении модели работы.

Один из сотрудников покупателя попросил слово.

— У нас нет намерения вмешиваться в программу центра.

— Тогда письменное подтверждение не создаст проблемы, — ответила я.

Глеб задержал на мне взгляд, но кивнул юристу.

— Подготовьте.

После совещания люди быстро разошлись. Павел уехал на объект, наш юрист отправился за приложениями к договору. Я складывала бумаги, когда Тимур положил рядом обновленный график.

— Здесь работы по залам разведены. Малые площадки не зависят от основной поставки.

— Пришли на общую почту.

— Уже отправил.

Он не спрашивал, куда я уехала из дома и почему возле стула стоял чемодан. Не заметить его было трудно: чемодан занимал половину прохода.

— Ты знал о сроке двадцать второго? — спросила я.

— О требовании полной готовности — да. Точную дату увидел в понедельник.

— И считал, что мне сообщили?

— Считал, что Глеб обсуждает с тобой переезд. Про условия проекта должен был говорить я. Не сказал вовремя.

— Почему?

— Я отвечаю. Но не в коридоре после вашей ссоры и не так, чтобы это выглядело попыткой занять удобное место.

Его ответ меня разозлил и одновременно заставил остановиться. Он сам обозначил границу, которую остальные сутки приходилось защищать мне.

— Тогда пока только работа, — сказала я.

— Только работа.

Тимур ушел. Через минуту на почте появился график без личного сообщения.

Вечером Марина открыла дверь, удерживая плечом телефон, и махнула мне в сторону свободной комнаты. Ее сын собирал в гостиной конструктор, муж дежурил, а сама она обсуждала с коллегой перенос исследования. Я поставила чемодан у стены и впервые за день осталась без задачи, которую можно было решить таблицей.

Глеб прислал фотографию пустой прихожей и написал: «Я не согласен, что тебе нужно уходить. Но вещи трогать не буду».

Я ответила: «Спасибо. Завтра пришлю список того, что заберу. По квартире будем договариваться отдельно».

Он набирал сообщение, потом перестал. Спустя десять минут прислал одно предложение: «Я люблю тебя и хочу,

чтобы ты вернулась».

Я прочитала его несколько раз. Любовь я не ставила под сомнение. Проблема заключалась в том, какое место оставалось мне внутри этой любви.

В рабочей почте лежал график Тимура. Ни совета, ни приглашения поговорить, ни попытки объяснить Глеба.

На следующее утро я должна была искать квартиру, юриста и способ удержать Ракурс вне нашего брака. Впервые за десять лет в этом плане не было пункта «обсудить с мужем».

Глава 3. Временный адрес

В субботу Марина отвезла сына на тренировку и вернулась с двумя пакетами продуктов. Я к этому времени успела посмотреть четыре объявления об аренде, отклонить три звонка риелторов и составить таблицу расходов на ближайшие девять месяцев.

— Ты у меня на сколько? — спросила сестра, выкладывая на стол хлеб и овощи.

— До понедельника. Если сегодня подпишу договор, завтра перевезу вещи.

— Я не выгоняю.

— Знаю. У вас одна свободная комната и восьмилетний ребенок, которому нужен стол для конструктора. К тому же я хочу жить отдельно, а не сменить одного человека, который обо мне заботится, на другого.

Марина поставила передо мной упаковку творога.

— Тогда хотя бы поешь до просмотра. И расскажи, что произошло без версии для прессы.

Я рассказала. Начала с измененного порядка выступлений, закончила сообщением Глеба. Не называла его самолюбленным, не обвиняла Тимура в заговоре. Мне были нужны факты, которые я смогу повторить юристу и самой себе через неделю, когда обида станет менее острой.

Марина выслушала, не перебивая.

— Ты хочешь развода? — спросила она.

— Пока хочу понять, есть ли у меня брак, в котором решения принимают двое.

— Это ответ про условия. Я спросила про тебя.

— Я люблю его.

— Тоже не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Марина вздохнула.

— Я вообще не спрашивала про другого.

Мне стало неловко, словно я защищалась от подозрения, которого она не высказывала.

— Не знаю, хочу ли развода. Знаю, что не хочу возвращаться только потому, что Глеб испугался моего чемодана.

— Уже честнее. Юриста тебе нашла. Принимает сегодня в два, потому что в понедельник у нее суд. Телефон отправила.

— Спасибо.

— И нет, я не буду звонить Глебу. Хотя он мне написал.

— Что?

Марина показала сообщение: «Даша у тебя? С ней все в порядке?»

— Я ответила, что ты в безопасности и сама свяжешься, когда захочешь. Он поставил спасибо.

Глеб не требовал адреса, не приезжал под дверь и не втягивал родителей. Его поведение было разумным. От этого решение уехать не превращалось в ошибку.

Юрист принимала в небольшом офисе на первом этаже

жилого дома. Елене Викторовне было около пятидесяти; она сразу предупредила, что первая встреча нужна для вариантов, а не для обещаний выиграть семейную жизнь.

— Общие несовершеннолетние дети есть?

— Нет.

— Супруг согласен на расторжение?

— Я еще не подавала. Думаю, что будет против.

— Совместное имущество?

— Квартира, купленная в браке. Кредит закрыт. Моя машина приобретена до свадьбы, компания принадлежит ему и партнеру. Я не участвовала в уставном капитале.

Она задала вопросы о ремонте, счетах, крупных переводах и возможных брачных соглашениях. Я отвечала, иногда заглядывая в заметки. Глеб никогда не ограничивал мой доступ к деньгам, но и общих счетов у нас почти не было: расходы на квартиру он оплачивал со своего, я закрывала повседневные покупки и часть путешествий. Размер его активов я знала приблизительно.

— Развод и раздел имущества лучше не сваливать в один спор, если вы способны договориться, — сказала Елена Викторовна. — По квартире можно заказать оценку и подготовить нотариальное соглашение. По доле в компании ситуация сложнее, здесь потребуются документы. Но сначала решите, чего вы хотите: претендовать на стоимость доли, договариваться об ином имуществе или оставить вопрос за рамками. Не подписывайте отказ, пока не увидите расчеты.

— Мне не нужна его компания.

— Это понятная эмоциональная формулировка. В документах нужна экономическая. До брака компания уже существовала?

— Нет. Ее создали восемь лет назад.

— Тогда мы запросим сведения и оценим риски. Вы можете решить, что не претендуете, но решение должно быть информированным.

Я записала. Слово «информированным» неприятно точно описывало то, чего мне не хватало дома.

— Он не может уволить меня, — добавила я. — Я работаю в АНО, у нас наблюдательный совет. Но его компания владеет зданием и финансирует реконструкцию.

— Соберите трудовой договор, устав, протокол назначения, договор аренды и все соглашения между организациями. Личный конфликт не прекращает их действие, но может создать давление. Если оно появится, фиксируйте письменно.

— Пока давления нет.

— Хорошо. Не ищите его заранее, но и не рассчитывайте на устные обещания.

Она объяснила порядок расторжения брака, возможный срок для примирения и момент, когда решение вступит в силу. Мы договорились, что я пришлю документы и вернусь, если решу подавать заявление. Консультацию я оплатила со своего счета. Сумма не пугала, но делала семейный кризис

материальным: у него появилась строка в расходах.

Первую квартиру показывал риелтор, который опоздал на двадцать минут и предложил мне подождать в машине. Внутри было чисто, но окна выходили на стройку, а собственник хотел получить наличными депозит за три месяца. Я отказалась.

Вторая находилась ближе к Ракурсу. Однокомнатная, сорок два квадратных метра, закрытый двор, простой ремонт, письменный договор на одиннадцать месяцев. Хозяйка приехала сама и спросила, кто будет жить.

— Я одна.

— Муж приезжать будет?

— Это влияет на условия?

— Только если постоянно. Тогда впишем второго жильца в договор.

— Постоянно не будет.

Мы проверили счетчики, составили опись мебели, сфотографировали скол на кухонной столешнице. Залог, первый месяц и комиссия съели сумму, которую я обычно откладывала за два с половиной месяца. На счетах оставался запас примерно на девять месяцев обычной жизни с учетом аренды. Моя зарплата позволяла не искать помощь у Глеба.

Перед подписью договора я вышла в подъезд и позвонила ему.

— Я нашла квартиру. Сегодня подпишу договор, завтра заберу вещи по списку.

Он не ответил сразу.

— На сколько?

— Договор на одиннадцать месяцев с возможностью расторгнуть раньше.

— Я могу снять тебе лучше. Или оплачу гостиницу, пока мы не разберемся.

— Спасибо. Я уже выбрала и оплачу сама.

— Где она находится?

Я назвала район, но не дом.

— Адрес сообщу Марине. Тебе — когда буду готова принимать тебя там.

— Ты считаешь, что я приеду без приглашения?

— Нет. Я хочу, чтобы граница была произнесена, а не подразумевалась.

— Теперь для каждого шага будет инструкция?

— Пока мы учимся спрашивать — да.

Он выругался себе под нос, не обращаясь ко мне.

— Я вечером свободен. Можно просто поужинать?

— Сегодня нет. Завтра приеду за вещами с двенадцати до двух. Если хочешь быть дома, будь. Я пришлю список, чтобы потом не спорить.

— Это и мой дом, Даша.

— Я не спорю. Поэтому ничего общего без согласования не забираю.

Хозяйка ждала в квартире, листая договор. Я вернулась, перечитала раздел о расторжении и подписала. В строке «на-

ниматель» стояло только мое имя.

На следующий день Глеб был дома. Мой список лежал распечатанным на столе, возле некоторых пунктов он поставил галочки. Я забирала одежду, книги, рабочие папки, часть посуды, которую покупала до брака. Он помог снять с верхней полки чемодан и не пытался задержать меня в спальне.

— Кофемашину возьми, — сказал он. — Ты ей пользуешься чаще.

— Она общая и дорогая. Пусть остается до соглашения.

— Ты собираешься делить каждую ложку?

— Нет. Именно поэтому беру только то, о чем не придется спорить.

— Я не буду спорить из-за кофемашины.

— Тогда запиши ее в список вещей, которые предлагаешь передать мне. Мы вернемся к этому позже.

Он прислонился к дверному косяку.

— Я не узнаю тебя.

— Ты привык, что я соглашаюсь до списка.

— Ты привыкла, что я не считаю наши вещи своими.

— Я этого не говорила.

— Но обращаешься со мной как с человеком, который завтра сменит замки.

— Я обращаюсь с общей собственностью осторожно, потому что мы сейчас злимся друг на друга.

Он отступил, пропуская меня в коридор.

— Я не злюсь. Я пытаюсь понять, как одна плохая речь

привела нас сюда.

— Не речь. Решение.

— Я уже сказал, что мог объявить иначе.

— Ты все еще обсуждаешь способ объявления.

Глеб взял коробку с книгами и понес к машине. Мы сделали три поездки на лифте. На последней он положил в багажник мой зимний плед, хотя в списке его не было.

— Он твой, — сказал он. — Марина подарила.

Я не стала спорить.

В новой квартире вещи помещались без труда. Одежда заняла половину шкафа, книги — одну полку, документы — нижний ящик стола. Марина привезла складной стул и постельное белье, которое я забыла купить. Она не осталась на ужин: утром у нее была ранняя смена.

Когда за сестрой закрылась дверь, я впервые услышала, как звучит квартира без другого человека. Водопровод шумел в стене, наверху двигали стул, возле лифта разговаривали двое соседей. Я проверила замок, записала показания счетчиков и отправила хозяйке фотографии. Потом составила список того, что нужно купить: сушилку, второй комплект полотенец, нормальную лампу к столу, маленькую кастрюлю.

Глеб обычно решал такие вопросы за один вечер. Он заказал бы все в одном магазине, добавил доставку и на следующий день получил готовый быт. Я открыла приложение, положила в корзину половину списка и остановилась на итоговой сумме. Самостоятельность не требовала покупать худ-

шие вещи, но требовала понимать, сколько я трачу и зачем.

Сушилку и лампу заказала. Полотенца решила забрать из общей квартиры после согласования. Кастриюлю куплю по дороге с работы. Мелкие решения не доказывали, что я умею жить без мужа. Они просто составляли жизнь.

На кухне оставался один стул. Я перенесла складной от Марины к столу и поставила напротив. Получилось место для гостя, хотя приглашать кого-либо я не собиралась. Сама эта возможность заставила вспомнить Тимура после совещания, его отказ объясняться в коридоре и фразу про удобное место. Я убрала второй стул к стене.

Телефон показал пропущенный звонок от свекрови. Валентина Петровна жила в Тюмени и редко звонила без предварительного сообщения. Через минуту пришло: «Даша, Глеб сказал, что вы временно разъехались. Я не вмешиваюсь, только хочу знать, что ты здорова».

Я набрала ее сама.

— Со мной все в порядке.

— Он тебя обидел?

— Принял важное решение за нас обоих. Я уехала, чтобы разобраться.

— Про Москву?

— Ты знала?

— Он звонил неделю назад, спрашивал, как я отнесусь.

Я сказала, что вы давно переросли Екатеринбург. Господи, Даша, я думала, вы обсуждали.

Еще один человек считал мой переезд решенным, пока я готовила летнюю программу.

— Мы не обсуждали.

— Понимаю. То есть теперь понимаю. Он всегда сначала строил, потом показывал. В детстве мог неделю собирать мне полку в гараже, а я узнавала, когда он уже сверлил стену.

— Полка и чужая работа — разные вещи.

— Конечно. Я не оправдываю. Просто знаю сына. Он уверен, что заботится лучше, если приносит готовое.

— Я тоже это знаю.

— Ты хочешь, чтобы я с ним поговорила?

— Нет. Спасибо, что спросили. Это наш разговор.

— Тогда не буду. И не стану звонить тебе каждый вечер. Если понадобится помощь, скажи.

Мы попрощались без обещаний примирения. Валентина Петровна могла бы потребовать сохранить семью или объяснить, как много Глеб делает для меня. Вместо этого она задала вопрос до действия. Было горько, что мать поняла правило быстрее сына.

Позже я открыла документы по работе. В договоре аренды Ракурса нашла пункты о смене собственника, уведомлении оператора и сохранении целевого использования. При продаже здания новый владелец не мог закрыть центр одной подписью, но финансовые гарантии на реконструкцию требовали отдельного подтверждения. Я выписала вопросы юристу АНО и поставила срок до среды.

Глеб прислал согласованный список вещей. Возле кофемашины написал: «Передаю тебе, компенсации не требуется». Я ответила, что пока не беру ее и вернусь к вопросу после оценки имущества. Через минуту он отправил фотографию пустого места на моей половине шкафа.

«Ты действительно хочешь жить там одиннадцать месяцев?»

«Я хочу иметь возможность. Срок договора не равен сроку нашего решения».

«Можно приехать посмотреть, безопасный ли дом?»

Я перечитала вопрос. В нем была и забота, и привычное право проверить мой выбор.

«Нет. Дом и договор я проверила. Адрес есть у Марины. Если приглашу, сообщу сама».

Глеб ответил не сразу: «Хорошо».

В ту ночь я плохо спала. Не из-за шума или незнакомой кровати. Привычка ждать, когда Глеб выключит свет в кабине и ляжет рядом, не исчезла после подписания аренды. В половине второго я взяла телефон, хотела написать ему и положила обратно. Возвращаться ради сна было слишком высокой ценой за знакомое присутствие.

Утром доставили лампу. Курьер попросил подпись, поставил коробку в прихожей и уехал. Я собрала ее по инструкции, дважды перепутав крепления, и только после этого заметила, что производитель приложил лишний винт. Глеб всегда говорил, что инструкции пишут люди, которые нена-

видят покупателя. Я засмеялась одна, затем отправила ему фотографию готовой лампы и стерла сообщение до отправки.

Не каждая привычная реплика должна была стать поводом вернуться в разговор. Но и делать вид, что общей памяти больше нет, я не собиралась.

В понедельник Татьяна Аркадьевна назначила заседание наблюдательного совета на четверг. В письме было три пункта: структура полномочий, влияние сделки на договоры, публичные заявления руководителей. Последний относился ко мне и Глебу, хотя наши фамилии не назывались.

Я ответила, что готовлю карту рисков. Затем открыла семейную переписку и написала мужу: «По вопросам квартиры предлагаю общаться здесь. По Ракурсу — только рабочая почта и протоколы. Личные разговоры согласуем заранее».

Глеб прочитал сообщение почти сразу.

«Это пауза или ты готовишься к разводу?»

Я долго смотрела на вопрос. Неделью назад слово показалось бы чрезмерным. Теперь оно входило в перечень реальных вариантов, которые юрист разложила передо мной без нажима.

«Я готовлюсь принять решение сама», — ответила я.

Потом внесла в банковское приложение регулярный платеж за аренду. У меня появился адрес, который Глеб не выбирал, и счет, цену которого я понимала до подписи.

Глава 4. Три подписи

К заседанию наблюдательного совета я подготовила схему на одной странице. Три вертикальные колонки: АНО Ракурс, Северный контур, независимые специалисты. Под каждой — решения, которые никто из соседней колонки не мог принимать единолично. На второй странице лежал список вопросов, где требовалось совместное письменное согласование.

Татьяна Аркадьевна посмотрела документы до начала и вернула мне без пометок.

— Объяснять будете устно, — сказала она. — Если схема работает только с вашими пояснениями, команда ей не воспользуется.

Совет собирался в малом зале Ракурса. Там уже установили кресла, но еще не подключили постоянный свет, поэтому на столе стояли две переносные лампы. Павел принес журнал работ. Нина подготовила хронологию публичных сообщений. От Северного контура пришли Глеб, Тимур и штатный юрист.

За последние дни я общалась с мужем только письменно. Он отвечал точно, не задерживал документы и ни разу не приехал к моей квартире. Сейчас мы поздоровались как люди, которым через час предстояло разойтись по разным выходам, хотя общий дом находился в двадцати минутах езды.

— Начнем с очевидного, — сказала Татьяна Аркадьевна.

— Частная жизнь трех ключевых участников проекта перестала быть частной, когда повлияла на публичное заявление и сделку собственника здания. Я не собираюсь выяснять, кто с кем завтракал и почему. Мне нужны полномочия, сроки и защита организации.

Глеб сложил руки на столе.

— Сделка не меняет действующий договор аренды и обязательства по реконструкции.

— Пока не меняет, — уточнила она. — Но покупатель связал закрытие сделки с полной готовностью главного зала. Этот срок влияет на работы. Дарья Сергеевна, ваша схема.

Я раздала копии.

— Операционную программу, штат, договоры с преподавателями и расходы в утвержденном бюджете ведет АНО. Собственник здания отвечает за финансирование реконструкции и договоры с подрядчиками. Техническую готовность подтверждают специалисты в пределах своей компетенции. Для изменений, которые затрагивают минимум две зоны и стоят больше двух миллионов, нужен протокол с тремя подписями: оператора, собственника и ответственного специалиста.

— Чья именно подпись от собственника? — спросил юрист.

— Назначенного представителя, который не меняется под конкретное решение.

— Это замедлит согласование, — сказал Глеб. — Сейчас

я могу решить финансовый вопрос за день.

— Именно поэтому вы сообщили о дополнительном сроке после того, как он появился, — ответила Татьяна Аркадьевна. — Скорость не компенсирует отсутствие информации.

Он принял замечание без спора и перевел взгляд на схему.

— Что происходит при расхождении?

— Составляется протокол разногласий, — сказала я. — Работы, которые можно продолжить без риска, не останавливаются. Зависимые операции ждут решения.

— Кто определяет зависимость?

— Павел со стороны эксплуатации и профильный специалист со стороны проекта, — ответил Тимур. — По акустике потребуется заключение привлеченной лаборатории. Я могу подтвердить соответствие проектному решению в рамках авторского надзора, но не заменю измерения и строительный контроль.

Он говорил ровно, не глядя на меня чаще, чем на остальных. На столе перед ним лежала моя схема, рядом — чертежи главного зала.

— Тогда третья подпись в каждом случае будет разной, — заметил один из членов совета.

— Да, — сказала я. — В этом смысл. Должность не создаст универсальной компетенции.

Глеб откинулся на спинку стула.

— Мы строим культурный центр, а не атомную станцию. Если на каждую замену краски собирать комиссию, объект

не откроется.

— Краска в пределах согласованной спецификации останется в зоне подрядчика и строительного контроля, — сказал Павел. — Если меняется класс пожарной безопасности или бюджет, появляется протокол. Мы уже разделили типовые и существенные решения.

— Когда успели?

— Вчера. Дарья Сергеевна попросила не приносить совету общие слова.

Глеб посмотрел на меня, затем еще раз перелистнул схему и задержался на приложении с лимитами.

— Допустим, — произнес он. — Кто подписывает от АНО, если вопрос касается договора самой Дарьи?

— Я предлагаю заместителя по решению совета, — ответила я. — И готова не участвовать в голосовании по собственным условиям.

— У тебя нет заместителя с правом подписи на такие суммы.

— Поэтому совет может определить временного представителя. Или назначить независимого управляющего, если считает мой личный конфликт несовместимым с должностью.

На этот раз пауза была общей. Я произнесла вслух риск, который старалась не рассматривать дома. Если совет решит, что жена собственника здания и исполнительный директор не могут работать во время развода, я потеряю проект за три

месяца до открытия.

Татьяна Аркадьевна сняла очки.

— Вы предлагаете ограничить свои полномочия, чтобы их сохранить?

— Предлагаю отделить должность от брака. Если мою работу можно защитить только личным доверием к Глебу или Тимуру, значит, структура изначально плохая.

— Тимур здесь каким образом связан с вашим браком?
— спросил член совета, который не присутствовал на ужине.
Я не успела ответить.

— Никаким, — сказал Тимур. — Но я совладелец здания, главный архитектор и друг Глеба. Это достаточно близкие связи, чтобы не оставлять спорные решения на устных договоренностях.

Глеб повернулся к нему.

— Ты сейчас объявляешь дружбу конфликтом интересов?

— Я говорю, что она не должна заменять процедуру.

— Восемь лет заменяла, и компания работала.

— Компания принимала риски собственников. Ракурс отвечает перед советом, фондом, сотрудниками и посетителями.

Они не повышали голос. В их споре слышалась старая привычка: Глеб ускорял, Тимур ставил ограничения, затем они находили решение между собой. Раньше я считала это признаком сильного партнерства. Сейчас совет как раз пытался сделать так, чтобы их личная договоренность не стала

законом для всех остальных.

Татьяна Аркадьевна вернула разговор к документам. Два часа мы разбирали лимиты, замены ответственных, сроки уведомлений. Юристы предложили формулировки. Павел возразил против ежедневных отчетов и доказал, что достаточно двух в неделю. Нина настояла, чтобы публичные заявления о сроках проходили через оператора, если упоминали программу центра.

Глеб спорил жестко, но по существу. Он не пытался напомнить, сколько денег вложил в здание, хотя эта сумма давала ему вес за пределами протокола. В конце согласился назначить финансового директора постоянным представителем собственника по операционным изменениям, а вопросы сделки оставить за собой.

Совет проголосовал за временный порядок до открытия. Моим представителем по решениям, затрагивающим мой договор или личную выгоду, назначили Павла. Техническая подпись зависела от предмета. Все документы должны были храниться в общей системе.

— Через две недели проверим, не парализовали ли мы сами себя, — сказала Татьяна Аркадьевна. — Дарья Сергеевна остается исполнительным директором. Оснований менять управление я не вижу. Но еще один публичный сюрприз от любого из вас заставит совет вернуться к этому вопросу.

После голосования я впервые за несколько дней смогла нормально вдохнуть. Не от облегчения вообще, а потому что

один конкретный риск получил решение. Мою должность сохранили не по просьбе мужа. Более того, я добровольно отдала часть быстрых полномочий и теперь должна была доказать, что организация выдержит медленный порядок.

Глеб задержался у стола, пока остальные собирали бумаги.

— Ты могла предупредить, что готова предложить временного управляющего.

— Тогда это выглядело бы как наша общая позиция.

— А мы разве не должны иметь общую позицию по проекту?

— По проекту — после обсуждения. Не по моему креслу заранее.

Он убрал папку в портфель.

— Ты действительно думаешь, что я хотел бы тебя снять?

— Нет. Я думаю, что ты хотел бы меня оставить на условиях, которые считаешь лучшими. Разница именно в праве совета и моем согласии.

— Ты научилась отвечать так, что любой разговор превращается в протокол.

— А ты привык получать согласие до разговора.

Он на секунду отвел взгляд и ничего не ответил.

— В воскресенье я хочу увидаться, — сказал он. — Без документов.

— Напиши время. Я отвечу.

— Даже это нужно согласовать письменно?

— Нет. Но мне нужно подумать.

Глеб ушел вместе с юристом. Павел уже спустился на объект, Нина унесла протокол в офис. В зале остались мы с Тимуром: он сворачивал чертежи, я собирала свои распечатки.

— Дарья.

Я подняла голову. За все заседание он впервые обратился ко мне без отчества.

— Что?

— Я знал о переговорах с Гранит Групп. О продаже, возможной должности Глеба и условии по залу.

— Это я уже поняла.

— О том, что он объявит ваш переезд, не знал. На сцене думал, что вы договорились. Потом увидел тебя.

— Когда ты понял, что разговора могло не быть?

Тимур положил ладонь на тубус. На большом пальце был виден тонкий старый шрам.

— Раньше, чем хочу признать.

— Это не дата.

— Нет. И не весь ответ.

— Тогда зачем ты начал?

— Потому что после сегодняшнего заседания молчать дальше было бы еще удобнее. Я не хочу снова выбирать удобство.

— Но полный ответ ты все равно не даешь.

— Дам. Сначала проверю, какую часть переговоров могу раскрыть без нарушения обязательств. И поговорю с Глебом.

— Сначала с Глебом?

— Речь о документах его компании.

— А речь о том, что я была единственной из нас троих, кто не знал, что вы уже обсуждаете мою жизнь.

Тимур не стал защищаться.

— Да.

Одно короткое слово оказалось убедительнее длинного оправдания. Оно ничего не исправило.

— До тех пор только работа, — напомнила я.

— Я помню.

Мы вышли через служебный коридор. У дверей он направился к проектной мастерской, я — в офис. Ни один из нас не предложил выпить кофе или продолжить разговор в машине.

Вечером я получила утвержденный протокол. В нем стояли три подписи под временной схемой: моя, представителя собственника и Татьяны Аркадьевны. Под техническим приложением расписался Тимур.

Я сохранила документы в папке проекта. Теперь крупное решение нельзя было провести одной уверенностью, даже если эта уверенность принадлежала человеку, которого я любила.

Глава 5. Человек, который знал

В пятницу мы принимали планировку мастерской керамики. В проекте между мойками оставалось метр двадцать, после монтажа оборудования — меньше метра. Для посетителей на колясках проход становился неудобным, а перенос одной тумбы затрагивал выводы воды.

Павел вызвал сантехника, Тимур поднял рабочие чертежи, я проверила, какие занятия стояли в первой летней программе. Через сорок минут решение было готово: одну мойку смещали, тумбу заказывали уже, часть хранения перенесли на противоположную стену. Подрядчик получал два дня и письменное изменение.

— Если согласуем до трех, мебельщики не возьмут доплату за срочность, — сказал Павел.

— Согласуем, — ответила я. — Пришли расчет в систему.

Тимур стоял у стены с рулеткой. На нем были рабочие ботинки и темная куртка, испачканная светлой пылью у локтя. За неделю я видела его почти каждый день, но он ни разу не пытался вернуться к разговору после совета.

— Разворот кресла проверим после переноса, — сказал он. — На чертеже проходит, фактический угол у двери может съесть запас.

— Я попрошу консультанта приехать на приемку, — сказала я.

— Хорошо.

Мы говорили при подрядчиках и не оставляли недосказанности, которую можно было принять за личную. Именно поэтому мне становилось все труднее отложить вопрос.

После совещания я вернулась в офис и увидела в календаре приглашение от Тимура: «Корректировки малых залов. Проектная мастерская. Пятница, 16:00». В примечании стояло: «После рабочей части готов ответить на вопросы по переговорам, если ты согласна».

Я приняла встречу.

До встречи оставалось несколько часов. Утром в Ракурс приехала куратор Новой среды, чтобы проверить готовность закупок. По условиям фонда мы не могли переносить деньги между статьями без письменного согласования. После задержки акустических материалов финансист Северного контура предложил временно взять часть суммы из оборудования мастерских, а затем вернуть ее после сделки.

— Для фонда это изменение назначения транша, — сказала куратор. — Согласовать можно, но понадобится новый бюджет и решение комитета. Минимум десять рабочих дней.

— За десять дней материал либо придет, либо мы официально изменим график, — ответила я. — Временный перенос не дает преимуществ.

Глеб участвовал по видеосвязи.

— Он дает нам возможность оплатить поставщику без кассового разрыва.

— Поставщик не выставил требование досрочной оплаты,
— сказал наш финансист. — Пока речь о резерве.

— Тогда почему мы обсуждаем деньги мастерских? —
спросила Татьяна Аркадьевна.

Глеб выдержал паузу.

— Потому что покупатель хочет видеть подтвержденное
финансирование критического пути.

— Это условие вашей сделки, — сказала я. — Фонд фи-
нансирует работу центра после открытия. Мы не будем ухуд-
шать мастерские ради отчета покупателю.

— Никто не ухудшает. Сумма вернется до закупки обору-
дования.

— Если сделка закроется и деньги поступят в срок. Сей-
час гарантий нет.

Куратор фонда попросила включить формулировку в про-
токол. Глеб согласился оставить бюджет без изменений. Он
не пытался продать решение через меня, но снова пред-
ложил использовать чужой ресурс для своего срока, потому
что был уверен в будущем возмещении.

После встречи Татьяна Аркадьевна задержала меня.

— Вы способны возражать ему и без семейного конфлик-
та? — спросила она.

— Возражала раньше. Просто чаще дома, до заседания.

— И он менял позицию?

— Иногда. Иногда приносил решение в другом виде.

— На совете вам придется разделять две вещи: обосно-

ванное несогласие и желание доказать самостоятельность. Второе может оказаться таким же дорогим, как его контроль.

— Сегодня я отказалась из-за условий фонда.

— Сегодня — да. Запомните это основание. Через месяц личная история станет громче, а документы останутся прежними.

Она не утешала меня и не обещала защитить должность. Ее замечание было неприятным именно потому, что относилось не только к Глебу. Я могла начать отвергать хорошие решения, лишь бы они не исходили от мужа.

В тот же день Тимур прислал два варианта лектория. Первый сохранял первоначальную перегородку, но требовал дорогого обслуживания. Второй стоил дешевле и оставлял доступ к коммуникациям, зато уменьшал склад на три квадратных метра. Он не отметил предпочтительный вариант, пока Павел не дал расчет эксплуатации.

Я позвонила Павлу, а не Тимуру.

— Второй, — сказал технический директор после проверки. — Потерю хранения компенсируем мобильными шкафами. Перегородку каждый год обслуживать некому.

— Оформи заключение. На встрече будем обсуждать его, а не личный вкус архитектора.

— У вас с ним что-то случилось?

— В каком смысле?

— Раньше ты сама звонила Тимуру по таким вопросам.

— Раньше у нас не было процедуры. Теперь есть.

Павел не стал продолжать. Его короткий вопрос показал, что перемены заметны не только трем людям. На объекте личная дистанция быстро превращалась в новый рабочий маршрут.

До четырех успела согласовать договор с преподавателем, проверить план эвакуационного инструктажа для команды и дважды поговорить с Глебом по бюджету. Он общался спокойно. В воскресенье мы договорились поужинать в общей квартире. Я не обещала остаться на ночь и не исключала этого. Наш брак не перестал быть настоящим за одну неделю, как бы аккуратно я ни раскладывала документы.

Проектная мастерская занимала второй этаж бывшего административного здания. В общей комнате работали пять архитекторов, за стеклянной перегородкой находился кабинет Тимура. К моему приезду на столе лежали распечатки по малым залам и образцы покрытий.

Рабочая часть заняла полтора часа. Мы отказались от дорогой перегородки в лектории, потому что она ухудшала доступ к инженерным коммуникациям, и нашли более простой вариант. Тимур не уступал мне там, где программа требовала лишних затрат. Я не просила его сохранить красивое решение, если команда не могла его обслуживать. С ним было легко спорить: он отвечал на аргумент, а не на сам факт несогласия.

Когда последний архитектор ушел, Тимур закрыл файл и спросил:

— Хочешь продолжить здесь или спустимся в кафе?

— В кафе. Рабочий день закончен.

Мы выбрали место через дорогу, где по вечерам было немногочисленно. Я заказала чай и салат, Тимур — кофе и горячее. Он не начал говорить, пока официант не отошел.

— Второго марта Глеб впервые показал мне предложение Гранит Групп, — сказал он. — Продажа ста процентов долей, работа для него в Москве, завершение наших текущих проектов перед переходом. Я отказался от первой оценки и попросил изменить условия выхода.

— Тогда уже была дата по Ракурсу?

— Было требование полной готовности до конца июня. Точной даты не было.

— Мой переезд обсуждали?

— Глеб сказал, что вы поедете вместе. Я спросил, что будет с твоим контрактом. Он ответил, что найдет для тебя роль в московском портфеле.

— Ты не спросил, хочу ли я этого?

— У тебя — нет.

— Почему?

— Переговоры были конфиденциальными. Я считал, что он сначала обсудит с тобой, потом объявит сделку.

— Когда перестал считать?

Тимур провел пальцем по краю бумажной салфетки, сразу убрал руку.

— Восьмого марта мы ужинали втроем. Ты рассказывала

о летней программе и спросила Глеба, сможет ли он взять отпуск в июле. Он ответил, что все зависит от сделки. Ты решила, что речь о финансировании объекта.

Я вспомнила вечер. Мы действительно были в ресторане возле дома. Глеб сказал: «Если все закроем, в июле у нас начнется другая жизнь». Я засмеялась и попросила хотя бы неделю без звонков. Тимур тогда посмотрел на него, но промолчал.

— Ты понял, что я не знаю.

— Понял, что, возможно, не знаешь всего.

— И что сделал?

— На следующий день спросил Глеба, говорил ли он с тобой. Он сказал, что собирается и хочет сначала получить окончательное предложение.

— Ты принял это?

— Да.

— До четырнадцатого марта оставалось пять дней.

— Да.

Официант принес еду. Тимур поблагодарил и замолчал, пока тот расставлял тарелки. Я смотрела на мужчину, которого знала все годы брака. Он приезжал к нам на дни рождения, помогал Глебу собирать мебель в первой квартире, однажды отвез меня в больницу, когда муж был в командировке. Я считала его человеком, который не говорит лишнего, зато не подводит. Теперь та же сдержанность получила другую цену.

— Ты мог не раскрывать сделку, — сказала я. — Мог спросить меня, обсуждали ли мы переезд. Без сумм и покупателя.

— Мог.

— Мог сказать Глебу, что не будешь участвовать в объявлении, пока он со мной не поговорит.

— Я не участвовал в подготовке речи.

— Ты пришел на ужин, зная, что разговор мог не состояться.

Он положил вилку.

— Пришел. И убедил себя, что это ваш брак, в который я не имею права входить без приглашения.

— Удобная граница. Она позволила тебе сохранить доверие Глеба и ничего не решить.

— Согласен.

Я ожидала защиты, ссылки на договор, напоминания, что муж несет ответственность за собственные слова. Согласие не смягчило ситуацию, зато лишило меня возможности спорить с оправданием.

— Тогда почему в четверг ты сказал, что дашь полный ответ после разговора с Глебом?

— Я запросил письменное разрешение показать тебе даты и часть переписки, связанную с Ракурсом. Он дал его сегодня. Остальные документы принадлежат компании.

— Покажи.

Тимур открыл на планшете цепочку писем. В ней не было

личных сообщений, только даты встреч, условия готовности здания и его замечания по срокам. Восьмого марта он действительно написал Глебу: «Убедись, что Дарья знает до общего объявления. Ее договор и программа не являются частью сделки». Ответ пришел через час: «Поговорю, когда получим финал. Не осложняй».

— Ты пытался, — сказала я.

— Один раз. Потом согласился с его порядком. Этого оказалось недостаточно.

— Что ты хочешь от меня сейчас?

— Ничего. Чтобы ты знала факты и могла решить, доверяешь ли мне в работе.

— А вне работы?

Вопрос вышел слишком быстро. Тимур посмотрел на меня прямо, без привычного ухода в документы.

— Вне работы я сейчас не имею права просить доверия.

— Потому что я жена Глеба?

— Потому что ты только что ушла из дома, а я причастен к причине. Любой личный шаг с моей стороны будет похож на использование ситуации. И я не смогу заранее доказать обратное.

Я взяла чашку, хотя чай уже остыл. Мне было неприятно слышать ясную формулировку того, о чем я не собиралась думать. Между нами не происходило ничего романтического. И все же я спросила про доверие вне работы, а он ответил так, будто возможность существовала.

— Не приписывай мне решения, которых я не принимала,

— сказала я.

— Не буду.

— И не решай за меня, на что похож твой шаг.

— Хорошо. Тогда скажу только про себя: я не стану вмешиваться, пока ты разбираешься с браком.

— Это уже твое решение.

— Да.

Впервые за вечер в его голосе появилась усталость. Он не просил, чтобы я оценила правильность решения, и не объяснял, чего ему это стоит.

Мы закончили ужин. Я оплатила свою часть, прежде чем Тимур достал карту.

— Это не обязательно, — сказал он.

— Обязательно для меня.

— Принято.

На улице подтаивал старый снег. До моей машины было двести метров, до его — примерно столько же в другую сторону. Мы остановились у перехода.

— Завтра пришлю корректировки по лекторию, — сказал Тимур.

— На общую почту.

— Да.

— И дальше общаемся только по работе.

— Понял.

Он перешел улицу на свой зеленый сигнал. Я подождала

следующего и пошла к машине.

В воскресенье Глеб прислал список продуктов и спросил, есть ли у меня ограничения по времени. Мы договорились встретиться в семь. Его сообщение выглядело так, будто он готовился к важному вечеру и впервые спрашивал о деталях до покупки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.